

Средневековая и новая история

Научная статья

УДК 947(470.6)

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-22-36

EDN: BGOZNY

**ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ РОБЕРТА ПОРТЕРА КАК ИСТОЧНИК
ИЗУЧЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА КАВКАЗА У ЕВРОПЕЙСКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОСТИ ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XIX В.****Дмитрий Сергеевич Ткаченко**Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия,
tkdmsg@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу путевых заметок известного британского художника и путешественника Роберта Кер Портера, посетившего Северный Кавказ в рамках своей поездки на Ближний Восток в 1817-1820 гг. Полный текст травелога до настоящего времени не переведен на русский язык и впервые вводится в научный оборот. Его автор стал одним из первых английских путешественников, открывших для англоговорящей обществу экзотический край и его жителей, чьи яркие образы до сих пор в ходу в англоязычном секторе Кавказоведения. Статья подчеркивает ориенталистский характер описаний народов Кавказа: казаков, калмыков, кабардинцев, чеченцев и осетин, с которыми автор путевых заметок имел контакты, но передавал в основном набор устоявшихся европоцентристских стереотипов, наполняя их яркими региональными деталями. Травелог также показывает характер отношений путешественника с представителями имперской администрации региона, содержит зарисовки повседневной жизни населенных пунктов и жителей приграничья. В завершении статья содержит вывод о «дуалистическом» видении путешественником Кавказа, в описаниях которого восхищение природой и горами причудливо смешивалось со страхом попасть в плен к жителям предгорий.

Ключевые слова: путешествия, травелоги, Российский Кавказ, Ориентализм, Роберт Кер Портер, военная администрация.

Для цитирования: Ткаченко Д.С. Путевые заметки Роберта Портера как источник изучения формирования образа Кавказа у европейской общественности первых десятилетий XIX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 2. – С. 22-36. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-22-36. EDN: BGOZNY

© Ткаченко Д.С., 2022

Original article

**THE TRAVELOGUE OF ROBERT PORTER AS A PRIMARY SOURCE
ON STUDYING THE CAUCASUS IMAGE VISUALISATION
BY THE EUROPEANS IN THE FIRST DECADES OF XIX C.****Dmitrii S. Tkachenko**

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, tkdmsg@rambler.ru

Abstract: The paper focuses on the analysis of the travel notes by the famous British artist and traveller Robert Ker Porter, who visited the North Caucasus on the trip to the Middle East in 1817-1820. The travelogue full text has not been translated into Russian yet and is being introduced to Russian scientific public for the first time. Its author became one of the first English travellers who discovered the exotic land and its inhabitants in the English-speaking public, whose vivid images are still in use in the English-speaking sector of Caucasian studies. The article points out the Orientalist nature of the Caucasus people's descriptions: the Cossacks, Kalmyks, Kabardians, Chechens and Ossetians, with whom the author of the travel notes had contacted, but mainly conveyed a set of well-established Eurocentric stereotypes, filling them with vivid regional details. The travelogue also reflects the nature of the traveller's relations with the Imperial authorities in the region, contains sketches of the daily life of the settlements and frontier dwellers. The author concludes the "dualistic" vision of the Caucasus by the traveller: the admiration for nature and mountains fancifully mixed with the fear of being captured by the inhabitants of the foothills.

Key words: travellers, travelogues, Russian Caucasus, Orientalism, Robert Ker Porter, military authorities.

For citation: Tkachenko D.S. The travelogue of Robert Porter as a primary source on studying the Caucasus image visualisation by the Europeans in the first decades of XIX c. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 2. – P. 22-36. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-22-36. EDN: BGOZNY.

© Tkachenko D.S., 2022

Записки иностранных путешественников по Кавказу являются важным источником получения сведений о регионе. При этом при обращении к ним исследователю необходимо учитывать ряд моментов. С одной стороны, иностранный путешественник свежими глазами смотрел как на природу и социально-этническую среду региона, так и на особенности повседневной жизни. Он обычно, подмечал такие детали, которые коренному жителю казались привычными, маловажными и в силу этого не находили отражения в исторических источниках иного рода. Однако, к свидетельствам иностранцев следует относиться критически: многие смотрели на регион с устоявшихся европоцентристских позиций, передавали штампы и суждения российских имперских властей, услышанные ими во время путешествия. Одним из таких авторов стал известный английский художник и путешественник Роберт Кер Портер, оставивший богатое художественное и литературное наследие. Последнее, к сожалению, до сих пор не переведено на русский язык полностью. Из двухтомного произведения, посвященного поездке Портера на Ближний Восток, были переведены лишь краткие выдержки из отдельных глав, оставлявшие в стороне Кавказский участок маршрута путешественника. К тому же они были опубликованы в малодоступном Петербургском журнале «Сын Отечества» [Портер 1823: 178-182, 219-223], в силу чего остались без внимания со стороны как современников, так и исследователей-кавказоведов. Авторский перевод произведения стал источниковой базой для написания данной статьи, которая впервые вводит сведения Портера в научный оборот.

Первая половина XIX в., стала временем, когда геополитические соображения противоборства Англии и России при разделе сфер влияния на Востоке

стали диктовать в обеих империях пристальный интерес к получению сведений о Кавказе. Сбор данных о регионе мог проводиться в разных формах, одной из которых была организация путешествий частных лиц в зону повышенного интереса, которой для Британии становился Кавказ. Как отмечает британский исследователь П. Хопкирк, с начала XIX в. британское руководство Ост-Индской кампанией очень опасалось вероятного вторжения в Индию, которое могло быть организовано одной из Европейских стран либо по суше – через территорию Афганистана, либо по морю – из Персидского залива. В обоих случаях маршрут армии вторжения должен был пролегать через Персию, а в случае, если бы над организацией военной экспедиции задумалась Россия, то и Кавказ [Хопкирк 2004: 52-60]. Сбор сведений об этом регионе, таким образом, представлялся для Британской стороны важным политическим мероприятием. В нем было задействовано большое количество исследователей разного ранга, которые не только описывали свои путешествия, но и пытались, анализируя опыт древней истории предостеречь свое правительство от возможных действий недружественных сил со стороны Персии и Кавказа [Kinneir 1818].

Одним из таких путешественников стал Роберт Кер Портер – английский художник, проживавший в 1804-1812 гг. в России в качестве придворного исторического живописца. В 1813 г. он перебрался на родину, но вскоре решил совершить поездку по зоне Британских геополитических интересов на Востоке – через Кавказ, Персию и Ближний Восток. Свои впечатления он описал в обстоятельном травелоге: «Путешествие в Грузию, Персию, Армению и Древнюю Вавилонию в 1817, 1818, 1819 и 1820 гг.» [Porter 1822].

Автор пишет, что его путешествие относилось к разряду «сентиментальных»: движущей силой поездки стало «острое желание посмотреть на те места, которые современная история сделала знаменитыми и посетить те страны, которые прошлое или настоящее покрыло неуываеваемой известностью» [Porter 1822: 2]. В августе 1817 г. автор выехал из Санкт-Петербурга по направлению к Одессе на Черном море, откуда он собирался плыть в Константинополь и затем проехать в Персию. Однако, прибыв в Одессу, он изменил маршрут и направился «от волн Эвксина к горам Кавказа» [Porter 1822: 2]. Автор объясняет это опасениями чумы, которая по словам русских официальных лиц, уже несколько лет свирепствовала в столице османской империи, а также своим любопытством – желанием посмотреть те «места из древней истории, которые время задвинуло на задворки нашего сознания, и которые, казалось бы сошли в могилу вместе с теми людьми, о которых писали их историки» [Porter 1822: 2].

Судя по всему, поездка имела также и разведывательный характер, так как избранный маршрут представлял для англичан повышенный интерес. Буквально за несколько месяцев до поездки Портера, в обратном направлении – из Персии через Кавказ прошел его соотечественник – подполковник Бенгальской армии Джон Джонсон, который тщательно описал все населенные пункты и замерил расстояния между ними [Johnson 1818]. Наблюдения Портера, таким образом, могли служить дополнительным источником сверки первоначально полученных данных, даже если автор сознательно и не проводил разведывательной работы. Сам же Портер отмечает, что никому ранее не нужные территории на

Востоке в условиях, сложившихся после Наполеоновских войн «не только предстали перед самыми нашими дверьми, но и затрагивают нас тысячами способов, вызванных как нашим сочувствием, так и странно переплетающимися интересами» [Porter 1822: 2].

Посетив по пути Николаев и Херсон, путешественник совершил поездку по обширной Южнорусской степи и сделал короткую остановку в преддверье Предкавказья – на Дону.

В Новочеркасске художник встретился с донским атаманом М.И. Платовым, который произвел на путешественника благоприятное впечатление как своими манерами, так и теплым отношением к англичанам. «Вся Европа слышала о нем как о герое, но надо посетить его страну, чтобы увидеть его тем, кто он есть на самом деле – не только генералом, но и отцом для своих подчиненных» [Porter 1822: 29], – пишет он. Личному участию Платова в делах Донских казаков автор приписывает все усовершенствования в регионе: начало каменного строительства в Новочеркасске, открытие в городе первой школы, организацию публичных обедов для военных и гражданских служащих.

Донские казаки стали первыми жителями Предкавказья, с которым Портер встретился. Он отзываясь о казаках как о «воинственных людях, окруженных враждебными племенами», которые в силу этого «думают не об удобствах жизни и плодах образования, а обращают всю силу своего таланта на военные маневры и уходу за оружием» [Porter 1822: 30]. Казачество в представлениях Портера было тесно связано и с освоением земель в степном приграничье. Сам термин «казак» автор связывает с тюркоязычным понятием «вооруженный человек». Эти люди, – считает он, «шли дальше на Восток за добычей, которую получали путем грабежа» и до настоящего времени «война в их понятиях неразрывно связана с грабежом и захватом добычи у противника» [Porter 1822: 31].

Портер описывает современное состояние донских казаков как военнослужилого сословия. В настоящее время, пишет автор, они несут 25-летнюю военную службу,

но «местные общественные представления и обычаи превращают в солдата каждого мужчину, если война приближается к границам его страны, или требуется удержать ее на удалении. Казаки сами ищут себе оружие, обмундирование и лошадей. Во время военной службы император выделяет каждому содержание кавалериста и двойное довольствие для его лошади. Если животное падет на поле сражения, выделяются деньги на приобретение нового. Во время пребывания дома каждый сам занимается каким-то делом в одном из двух городов Черкассков или на том участке земли, что он имеет в сельской округе, производя то, чем он содержит свою семью: он обрабатывает землю в летние месяцы и возвращается в свою деревню – станицу, в зимние. Представители низших классов, которые населяют Новый и Старый Черкасски, в основном лавочники, торговцы и рыбаки. При этом ни полезные занятия, ни даже богатство (если они даже захотят его использовать для этого), не могут освободить человека от регулярного возвращения на воинскую службу» [Porter 1822: 31-32].

Автор описывает внешность казаков, их характер и одежду, отмечает, что атаман Платов ввел на Дону некое подобие униформы, взяв за основу «национальные цвета» – синий и красный.

«Граф Платов в своем желании принести европейские манеры, искусство и науку на берега практически азиатского Дона, даже выразил желание, чтобы жены казачьей знати (если вообще можно использовать этот термин), одевали строгое европейское платье... Если это случится, то адаптация французского корсета с его идеей сохранения пропорций фигуры, изменит все детали туалета, если, конечно элегантность и простота станут основой фасона» [Porter 1822: 34].

Среди донцов автор встретил калмыков, так же несших службу в казачьем войске, что вызвало у него определенное неприятие. С издевкой автор описывает участие калмыцкого оркестра, «составленного в основном из труб, маленьких барабанчиков и больших тамбуринов» [Porter 1822: 39] на официальном параде в честь посещения Дона одним из представителей царской фамилии. Калмыцкая труппа исполняла военные марши, настолько неудачно, что автор сравнивал музыку «с ревом слонов, которых истязают безжалостные погонщики. Дикарские звуки были бы более уместными для военного столкновения, чем для тона цивилизованного мероприятия» [Porter 1822: 39], – пишет он.

Путь Портера с Дона лежал в Кавказскую область, на границе с которой находился Новоегорлыкский карантин. В нем по установленному властями порядку, путешественник, пересекающий границу, должен был провести несколько недель. Находясь в карантине, Портер практически повторил язвительные замечания другого англичанина – Джона Джонсона, томившегося в том же месте несколькими месяцами раньше [Johnson 1818: 285-289]. По словам Портера, люди, помещенные в карантин «лишь по подозрению, с невероятно большой долей вероятности выйдут оттуда, неся с собой реальное зло, так как более зачумленного места мне еще не приходилось видеть» [Porter 1822: 42]. Само же медицинское учреждение по оценке художника, представляло из себя «ветхие деревянные жилища, в которых обречены пребывать заподозренные переносчики чумы; зловонный и нездоровый поток под названием Егорлык, чье имя дословно означает “вонючий” бежит рядом с берегом. Пост казаков силой заставляет выполнять карантинные предписания – чтобы ничто не проходило через эту границу неочищенным» [Porter 1822: 42].

Путь по Большому Черкасскому тракту от Егорлыка до Ставрополя не оставил следов в заметках автора, который только мельком отметит существование небольшого укрепления в селе Московском. Зато, по контрасту с пустой степью, Ставрополь представлял собою довольно живописное место, окруженное деревьями и садами. Портер отмечает важное военно-стратегическое значение города, расположенного на перекрестке дорог из Центральной России и западной части Кавказской Линии [Porter 1822: 42]. «Въехав в город, – пишет Портер, – мы нашли, что он хорошо расположен на склоне холма, постепенно захватывая обширную равнину между ним и Московским» [Porter 1822: 42]. Однако, в городе путешественники не смогли найти привычного европейского комфорта, даже несмотря на то, что поселились «в самом роскошно выглядевшем жилище» [Porter 1822: 42]. Отсутствие горячей воды и блохи, «которые заполняли каждый угол» [Porter 1822: 42], заставили их ночевать на улице в своем экипаже.

От Ставрополя начинался участок пути, который Портер считал самым опасным, «так много грабительских племен все еще остаются не подконтрольными вблизи горных проходов» [Porter 1822: 41], – писал он после того, как военное начальство Линии выделило ему казачью охрану.

Вид линейных казаков, одетых в традиционную кавказскую одежду, произвел на Портера сильное впечатление.

«Как же они отличались и внешним обликом, и одеждой от моих Донских друзей! – писал он. – Их рост был невысок, одежда оборванной, а ее пошив относился к самым грубым и дикарским фасонам. Маленькая матерчатая шапка, окаймленная овчиной или мехом, практически прилегает к голове в то время, как тесный жилет скрывает все тело и спускается до самих колен, где встречается со свободными штанами, заправленными в сапоги что дополняет неуклюжий, но очень живописный вид. Их оружие – мушкет, висящий поперек плеч, защищенный от осадков меховым чехлом, прямая шашка, пристегнутая с левой стороны пояса, идущего вокруг талии; кинжал невероятной ширины, а также и большой нож в дополнение к нему» [Porter 1822: 43].

Удивление у англичанина вызвал вид газырей, которые Портер описывает как нашитый на груди «ряд узких карманов, каждый из которых достаточный для того, чтобы вместить деревянную гильзу с зарядом пороха; ряд обычно состоит из шести или семи зарядов. Независимо от этого набора зарядов, некоторые носят небольшие патронные сумки, висящие на еще одном поясе, через правое плечо» [Porter 1822: 44].

Не меньше художника поразила и знаменитая кавказская бурка, о которой он отзывается как о «своего рода плаще, сделанном из меха горного козла, которые производят только горцы. Эта вещь служит великолепной защитой от дождя и ветра, когда его оборачивают вокруг тела, но в теплую погоду под ним очень утомительно находиться. В дополнение к своему плащу они носят и капюшон для защиты лица и ушей, называющийся “башлык”. Никакого точного цвета не закреплено за униформой этого рода войск имперских казаков; но коричневые, серые и белые оттенки, кажутся, их любимыми» [Porter 1822: 44].

Экзотичный для европейца наряд казаков и местных жителей оттеняла красота горных пейзажей, первый из которых открылся художнику за Ставрополем, недалеко от селения Северного.

«Я взирал на горы Кавказа, невиданной красоты. Ни одно перо не способно передать то чувство, которое эта восхитительно сияющая (sublime) горная гряда всколыхнула в моей груди. Я повидал практически все самые дикие и громаднейшие горные цепи в Португалии и Испании, но ни одна из них не давала представления о масштабах того великолепия, к которому я здесь подступал. Это выглядело как природный бастион между народами Европы и Азии. И среди скал, Эльбрус – о котором традиционно отзываются как о месте, где был прикован Прометей, – стоял в одеянии из не тающих снегов, сам являясь отдельным горным миром, башней нависающей над округой: его белые сияющие вершины сливались с небесами, в то время, как несчетные бледные головы подвластных ему горных вершин, высоких сами по себе, но далеко уступающие его выси, растянулись до границ горизонта и терялись из виду в дымке облаков. Отдельные груды черных скал возносились вверх на расстилавшейся перед грядой равнине – их размеры соразмерны с горами; но увиденные рядом с мощью Кавказского хребта, в сравнении с ним они выглядели не больше холма; и тем не менее контраст был

разительным – темные дуги предгорий оттеняли еще больше эффект, который давали громогласящие над ними ослепительные вершины. Поэты едва-ли притворяются, когда говорят о “духе места”. Я не знаю никого, кто бы взирая на Кавказ не ощутил бы чувства его девственного, неопишемого великолепия, которое просто переполняет душу» [Porter 1822: 45].

Высокоэмоциональное описание Портером красоты Кавказского хребта производило сильное впечатление на англоговорящую общественность и до сих пор определяет тональность, с которой отдельные англо-американские исследователи-кавказеды говорят о регионе [King 2008: 5].

В описании Кавказа Портером явно прослеживается и попытка автора передать англоговорящей общественности основную идею знаменитого афоризма, сравнивавшего регион с крепостью [Духовский 1844: 1], который путешественник явно слышал по дороге от представителей российской администрации. Автор заменил слово «крепость» на «бастион» (bulwark), сделал отсылку к Античным образам, но при этом четко передал видение Кавказского хребта как границы между двумя мирами – Европой и Азией.

Эта же мысль прослеживается и в описании переправы через Терек, который Портер вслед за многими российскими путешественниками [Гордеев 1830: 4] трактует как географический предел Европы. Река, по мнению англичанина, отделяет Российскую империю от «Российской Азии» [Porter 1822: 51], за которой в карантине путники из «подозреваемых Азиатских земель, ждут пока им не разрешат проследовать в Европу» [Porter 1822: 51].

Прежде чем добраться до Терека, Портер сделал остановку в Георгиевске, где его постигла неудача – он не смог встретиться с генералом И.П. Дельпоццо, который в это время инспектировал строительство укреплений в Чечне. Вместо военного начальника, путешественник был тепло встречен гражданским губернатором Кавказской области, который пригласил англичанина на обед и ярко описал гостю то, как «дикие обитатели этих возвышенностей» [Porter 1822: 47] занимаются грабежом.

«Его истории о хищнических нападениях больших или малых групп на незадачливого или беспечного путешественника, который рискнет въехать в горные проходы ночью были красочны, но и ужасны, и у меня не появилось намерения отбив сегодня вечером изведать повышенных опасностей подобного рода. В дневное время этих неутомимых детей разбоя видят слоняющимися по склонам нагорий, выходящих на степь, высматривающих жертву и чаще всего они начинают свое дело с высматривания беззаботных» путников, затем ждут темноты, залегают на пути и когда путешественник подъедет, нападают из засады прежде, чем он успеет сообразить, что происходит [Porter 1822: 47], – писал Портер.

Неизвестно, пугал ли представитель российской власти, отвечавший за безопасность путешественников, англичанина сознательно, или просто пересказывал местные истории, но после таких рассказов, Поттер выехал из Георгиевска лишь на следующее утро в составе большой группы, направлявшейся в сопровождении казачьего конвоя на Минеральные Воды.

Возле Константиногорской крепости, на месте будущего Пятигорска, путешественник посетил знаменитые Минеральные Воды. Расположенные в 30

верстах от Георгиевска ванны, – пишет он, «очень популярны у русских, даже живущих в отдаленных частях империи вследствие достоинств своих минеральных источников. Они бьют в Бештовых горах, и температура в источнике варьируется от 30 до 40 градусов по Реомюру (37–50° C). Местность вокруг этих ванн так же прекрасна, как и приятна для жизни, а обилие воды, как на поверхности, так и под землей, помимо защиты, удобств и финансовой помощи Императора привлекают поселенцев; даже чужестранцы издалека могут приобщиться к ее достоинствам» [Porter 1822: 47].

В селении Каррас недалеко от Константиногорской крепости Портер обнаружил своих сограждан – шотландских миссионеров.

«Колонию можно назвать скорее, сельским обществом, чем собранием богословов, – пишет автор. – Их усилия по распространению религиозных начинаний среди неверных горцев закончились полным фиаско; те немногие, которых удалось обратить в Христианство, были почти все убиты соплеменниками, как только попались им в руки. Чтобы защитить саму колонию от грабителей-неверных в ней постоянно расквартировано достаточное количество русских войск» [Porter 1822: 47].

Военный уклад жизни в приграничье был основательно описан путешественником и первое, что бросилось ему в глаза – это организация казачьего патрулирования и охраны дороги.

«На определенных промежутках широкой равнины, что раскинулась до самого подножья Кавказа и во всю длину его казалась бы непроницаемой цепи, расположены отряды казачьей охраны, – пишет автор. – Каждый состоит из 5–6 человек, которые по очереди, днем и ночью несут дозор. Вид, в котором они предстают перед проезжающим мимо путешественником, как любопытен, так и романтичен; он невероятно гармонирует с тем диким краем, который они посланы охранять. Небольшая хибарка, сделана из сорной травы и веток деревьев, а рядом с ней развернуто что-то типа помоста, но размерами не больше, чем на одного человека. Он поднят примерно на 20 футов над землей и пока товарищи отдыхают в шалаше, казачий часовой день и ночь стоит на помосте в дозоре, а когда появится объект для более тщательного обзора, то лошади, привязанные поблизости, всегда в распоряжении их хозяев. Солдат на посту всегда завернут в бурку; которая вместе с грубой конструкцией его поста, при взгляде издалека, привлекает внимание своей живописностью не меньше, чем любой другой предмет на этом длинном, однообразном горизонте» [Porter 1822: 48-49].

Следуя с конвоем, Портер добрался до Моздока, который он назвал своей «первой ступенью в Азию». Город автору понравился своей ухоженностью и теплотой, с которой англичанина встретил комендант. При этом оказалось, что следовать дальше можно только с «оказией» – общим транспортом, идущем под прикрытием военного конвоя. Транспорт, по свидетельству Портера собирался раз в неделю и отправлялся по Военно-грузинской дороге каждое воскресенье. Конвой, с которым должен был ехать Портер помимо его собственной повозки, включал 10-12 путников, почту и пятьдесят повозок с солью и европейскими товарами [Porter 1822: 53].

Как и все путешественники, проделавшие путь вместе с «оказией», Портер высказывал недовольство медленным продвижением, подчеркивая при этом опасности поездки.

«Наша маленькая армия со своей поклажей двигалась со скоростью похоронной процессии уже почти половину дня, когда внезапно вдалеке на холмах напротив нас появилось около 30 всадников. Это зрелище тут же заставило нас остановиться. Ведь хоть наши силы и намного превосходили тех, что мы видели, нельзя было быть уверенными в том, что еще несколько сотен не прячутся за склоном холмов. Каждый – и военный, и гражданский, зарядил свой пистолет или ружье; вытащил саблю или кинжал, чтобы при необходимости показать свою волю к обороне» [Porter 1822: 54], описывает автор один из эпизодов путешествия по Кавказским предгорьям за Терекком.

Одновременно он делал заметки о том, как выглядел отряд конвоя, охранявший транспорт. Всадники по словам путешественника представляли собой живописный вид, «вооруженные кинжалами, саблями, карабинами, пистолетами, – короче говоря оружием почти всех стран к которому они добавили и множество различных приспособлений для хранения старой амуниции и всего, что может пригодиться, развесив его на себе и своих лошадях» [Porter 1822: 54].

Кроме того, англичанин оставил беглые заметки о той территории, через которую шел путь транспорта.

«Страна, простирающаяся у подножия Кавказа на значительное расстояние, называется Малая Кабарда, направо, вдоль горного хребта до земель Черкесов лежит Большая Кабарда, – писал он. – Люди, которые населяют эти два района, известны русским под общим названием Черкесов. Они потомки смешения разных народов, чье отличие по происхождению, характеру и обычаям теперь практически утеряно, на что указывает то общее имя, что они носят и адаптация общего костюма. В настоящее время, население обеих Кабард, ничем не отличается в костюме от соседних черкесов. Они в целом, говорят на одном языке и предпочитают считать себя ветвями единого племени. Но как мне сказали, жители Малой Кабарды были, практически, колонией Большой Кабарды, куда они были вытеснены из своих прежних владений более могущественными племенами. Может быть, и Черкессия в былые времена появилась таким же точно способом, и поток эмиграции, захвата владений и заселения продолжался. Кроме того, здесь живут многочисленные татарские племена, простирающиеся на юг по низким холмам и равнинам, идущим от предгорий до Кубани» [Porter 1822: 51-52].

Автор, конечно, не вдавался в проблемы этногенеза, расселения и древней истории народов Центрального Кавказа. Для него гораздо важнее было отметить, что именно для борьбы с ними на границах Кубани и Малки, «Россия сформировала войска Казаков, известных под общим именем Казаки Кавказской Линии. Их главная обязанность – эскортировать путешественников, караваны и т.д. Но их часто посылают в глубины Кавказа, где император возводит военные посты, а так же в Грузию с той-же целью, так как они – единственные солдаты, способные нападать на диких горцев их-же методами, используя схожее оружие и схожий стиль ведения войны» [Porter 1822: 52]. Несомненно, данные оценки Портер давал со слов окружавших его российских военных.

Одной из историй, которую автор приводит в том виде, в каком ее услышал от коменданта Григорополисского форта стал нашумевший в свое время

рассказ о пленении генерала И.П. Дельпоццо. Восторженно отзываясь о способностях Кабардинского пристава и его знаниях управляемого народа, Портер пишет, что

«последнее достоинство досталось генералу дорогой ценой. Он сам имел несчастье несколько лет назад попасть в руки партии чеченцев, которые увлекли его в свои скалистые горные дали, обходились с ним со всей жестокостью, которую только могла подсказать им их дикая натура; конечно, они оставили его в живых так как кое-что знали о его важном значении для монарха, и надеялись получить богатую награду в виде выкупа. Но у... [них] есть странное противоречие: обременяя его жестокостью, они часто взывали к его известной мудрости для того, чтобы решать не только свои споры в домашних делах, но и часто даже более общие племенные интересы. Эта особенность, вместе с продолжительностью плена, позволили ему иметь большие успехи в познании чеченского языка и быть осведомленным в их традициях, манерах, одежде, и вероятно во взглядах на ведение грабительской жизни. Он так же завел себе связи, которые, как он надеялся, однажды, если обретет свободу, могли бы помочь послужить на пользу России в наиболее важных пунктах Кавказской линии. После того, как он промаялся двенадцать долгих месяцев в неопределенном состоянии между надеждой и отчаянием, и к тому же испытывая все тягости рабства, десять тысяч рублей, как мне сказали, было предложено одними и принято другими в выкуп; он вернулся на свободу вместе с приобретенными знаниями и навыками, которые он и использовал чтобы увеличить как территорию, так и силы правительства и покрыть себя славой» [Porter 1822: 58-59].

Рассказывая историю И.П. Дельпоццо, путешественник не мог не дать характеристику тех людей, которые держали генерала в плену – чеченцев, однако, описывая их, автор пересказал набор стереотипов российских имперских военных.

«Эти самые чеченцы, чья временная кабала лишь научила узника тому, как в недалеком будущем наложить еще более тяжелое ярмо на них самих, считаются самым грозным из всех племен, что населяют бесчисленные скалистые долины восточной части Кавказа. Их хищнические набеги в больших или малых группах не только пугают их непосредственных соседей – такие-же племена, хоть и менее могущественные, но их внезапные налеты, засады и непрекращающаяся война, заставляют дисциплинированных русских быть всегда наготове. Эти владыки гор, кажется, никогда не устают – ни днем, ни ночью» [Porter 1822: 60].

Напуганный рассказами о чеченцах, Портер отказался от своей первоначальной идеи встретиться с И.П. Дельпоццо, который во время пребывания на Кавказе англичанина был занят строительством очередного укрепления в Чечне, а продолжил свой путь во Владикавказ и вступил в предгорья Главного Кавказского хребта.

Портер описывает величественные виды горной цепи, открывавшиеся с дороги.

«К полудню день начал проясняться и темная пелена испарений, столь долго скрывавшая эти грандиозные холмы из виду, рассыпалась в массу похожих на кучи шерсти облаков; и по мере того, как они медленно скользили вниз за черту гор, сливаясь друг с другом, или по отдельности, моему взору открылись обширные кручи Кавказа – мир в самом себе: скалистый, дикий и покрытый снеговыми шапками; тянувшийся на Запад и Восток, куда хватало глаз и возносившийся высоко в небо. Это было зрелище, заставлявшее замереть все чув-

ства, прервать даже само дыхание под грузом охватывающих душу эмоций от вида такого всеобъемлющего великолепия» [Porter 1822: 65].

Автор также приводит и описания Владикавказа, который он считает одной из самых больших и важных крепостей с целым полком солдат в гарнизоне. Форт размещен на возвышенности, позволяющей контролировать все подходы к горному проходу, но при этом на достаточно большом расстоянии от других высот, что не позволяет горцам его обстреливать. Портер отмечает, что отношения с местным населением далеко не враждебные, город и его округа разрастается быстро, и «где бы русские не возвели форт, сотни татар стекаются в его окрестности и селятся в небольших деревнях. ... Это добровольное переселение, развеивая их подозрительность и принося дружественные контакты с европейцами, оказывает огромное цивилизующее влияние на эту ветвь татарского народа и тем самым можно надеяться, что влияние гуманных манер может постепенно распространиться и среди более удаленных племен» [Porter 1822: 66], – пишет путешественник.

От Владикавказа путешественники отправились по Военно-Грузинской дороге, которая выглядела для Портера весьма экзотичной.

«Начиная от этого места, пишет он, – наша дорога будет напрямую проходить через самое сердце гор, идя вверх и вниз по возвышенностям, которые бы назвали отвесными склонами в более обузданных европейских Альпах или Апеннинах; здесь мы оставили нашу артиллерию и тяжелую часть конвоя, и, облегченные от этих двух грузов, устремились дальше более быстрыми темпами, с эскортом из около сорока солдат, офицера и нескольких казаков» [Porter 1822: 67].

Художник рассказывает историю о том, как Россия установила контроль над путем, ведущим в Грузию, отмечает, что навести до конца порядок на дороге она все еще не может. «До того, как были приняты меры предосторожности в виде отряда военных, которые в буквальном смысле расстреливали кусты и расчищали путь, эта дорога представляла собой нескончаемую сцену кровопролития и грабежа» [Porter 1822: 74], – пишет Портер. Он, конечно, сгушал краски, считая, что знающие местность горцы обычно сидят в засаде, затем делают залп по проезжающим по дороге путникам, пользуясь тем, что им с дороги некуда деться и потом просто собирают трофеи [Porter 1822: 74]. Судя по всему, эти рассказы он услышал не от местных жителей или российской администрации, а от самого конвоя, пытавшегося запугать путешественников для того, чтобы их было легче охранять. Автор несколько раз пытался остановиться, или сойти с маршрута, чтобы сделать быстрый рисунок потрясающего горного пейзажа, но военные подгоняли его или возвращали обратно, боясь, что засмотревшегося Портера могут отрезать от конвоя и захватить в плен. В итоге художник отказался от своих попыток, ссылаясь на предупреждение – расхожий стереотип о том, что за камнями вдоль дороги могли прятаться бандиты, и «любой отставший может стать их добычей, заплатив свободой, если не кровью за свою небрежность» [Porter 1822: 67].

В своих записях автор восхищается не только красотой суровой природы Дарьяльского ущелья, но и с большим уважением отзывался о русских солдатах, трудами которых была проделана дорога через горы. Кроме этого Портер оставил яркое описание самого пути, бегущего «под нависающими арками из камня, которые достаточно высоки чтобы открыть под ними проход для низкой повозки, но проход настолько узок, что едва-ли вместит две в ряд, или даст им разъехаться, если они будут иметь несчастье встретиться: с одной стороны дороги – отвесный склон, который в одних местах достигает шестидесяти, а в других – сотню футов. На дне другого ската – ревущие воды Терека. Обратив свой взор вверх, путник увидит такие же черные и ужасные склоны. Мы видели огромные выступы весом многие тысячи тонн, выпирающие из нависающей скалы и грозящие разрушить все, что находится под ними и часто это – не пустые опасения. Многие из этих массивных образований в разное время и в разных местах обрушились из-за неожиданных осадков и настолько перегородили дорогу, что заставляют путника их обходить, иногда делая это в рискованной близости от зияющего провала» [Porter 1822: 69].

По мнению Портера, русские форты в Дарьяльском ущелье были выстроены в тех же местах, что и древние укрепления. Автор описывает «Замок царицы Тамары» – скалу с руинами напротив Ларса, приводит древнюю легенду о «Кавказских воротах», защищавших в древности Грузию от набегов горских племен, и говорит, что в нее легко поверить, так как ссыпать груды камней с окружающих гор и перекрыть ими весь горный проход в Дарьяле не составит особого труда.

Он также пытался осмотреть окрестности «Замка царицы Тамары».

«С некоторыми трудностями я вскарабкался к нему и обнаружил руины, состоящие из одной сильной квадратной башни с бегущими вокруг нее толстыми массивными стенами, которые окружают место внутри, достаточное для гарнизона из нескольких сотен солдат. Это, наверное, и была цитадель прохода, я заметил также развалины внешних укреплений на всех пунктах, где скалы формируют естественные ложементы против противника, считающего себя достаточно ловким, чтобы их штурмовать» [Porter 1822: 71].

Вид со скалы настолько потряс художника, что он попытался нарисовать Дарьяльское ущелье, смотря на него из «Замка царицы Тамары» и из русского редута на другой стороне реки.

Помимо красот природы Портер описывает и местных жителей – осетин «смешанного вероисповедания: христиан, мусульман и язычников» [Porter 1822: 77]. Несмотря на то, что осетины по рассказам военных, услышанных Портером, считались наиболее цивилизованными из всех горцев, сам автор описывает местных жителей довольно мрачными красками. Они, по словам путешественника «никогда не появляются без общего оружия этой страны – кинжала на поясе. Его форма – широкая у рукояти и суживается к длинному острию, а весь он имеет около 18 дюймов в длину. Говоря вкратце, впечатление нападения и защиты лежит здесь на всем, что мы видели, и это всегда будет иметь значение, так как здешние люди еще не дошли в своей сущности до такого состояния, когда закон силы уступает место закону целесообразности, –

каждое тело здесь вооружено, каждый дом здесь как маленькая крепость» [Porter 1822: 78].

В селении Казбеги англичанам пришлось задержаться из-за поломки повозки, сцены ремонта которой описаны Портером в форме гротеска, подчеркивавшего дикость местных жителей [Porter 1822: 81]. Пока чинили повозку Портер решил прогуляться по селению, чтобы посмотреть на уклад незнакомой жизни. Англичанин зашел в один из домов, обстановку внутри которого он также характеризовал с самой негативной стороны. Путешественник обратил внимание на черепа лошадей и горных козлов, прибитые под потолком. За входом он обнаружил комнату, «излишне темную, грязную и без мебели. Единственный свет, который она получала, шел из двери и через круглую дыру в крыше, которая служила печной трубой. Немного щепок и лепешек сухого кизяка лежали, дымившись, посередине этого мерзкого жилища. Несколько вылепленных из глины емкостей и пара сломанных чашек стояли вокруг костра, но сидений нигде не было видно. Однако, в одном из углов комнаты сквозь полумрак, я умудрился рассмотреть старый деревянный ящик, рядом с которым стояла женщина, которая, поняв, что она привлекает внимание, исчезла в еще более темной комнате чем та, в которой я стоял» [Porter 1822: 82].

Дикие, с точки зрения англичанина, нравы местных жителей подчеркивало описание сцены обеда, которым путешественников в своей резиденции угостил глава местной администрации – генерал Казбек. Даже русские путешественники, пишет англичанин, «были настолько же, как и я удивлены ... видом тех, кто нас обслуживал. Облик и ухватки наемных убийц делали их больше похожими на бандитов, чем на прислугу – все они были вооружены, а нагрудные карманы набиты патронами. Все это, конечно, могло меня только злить ... и весьма вероятным выглядело то, что эти самые люди, которые сейчас так услужливо обеспечивают мои нужды, могут во время нашего движения к Коби, если я дам им шанс, залечь в засаде и ограбить, или даже попросту убить меня в знак прощания с недавно дружественно встречаемым гостем» [Porter 1822: 79]. Таким образом, этнографические зарисовки Портера не отличались глубиной и отражали лишь общий набор стереотипов о народах Кавказа, который был в ходу у путешественников через регион, сталкивавшихся только с одной стороной жизненного уклада и крайне предвзято ее трактующих.

Покинув Казбеги, путники по южному склону кавказского хребта спустились в Грузию, где в центре Кавказского наместничества – Тифлисе, англичане закончили свое путешествие по Кавказу.

В целом травелог Роберта Портера, написанный ярким художественным языком не только открывал для англоговорящей общественности Кавказ, но и транслировал ряд устоявшихся стереотипов о жителях региона. Читая его, можно согласиться с мнением Ч. Кинга о существовании «двойственного видения» региона европейскими путешественниками, для которых восхищение природой Кавказских гор было смешано с чувством страха попасть в плен к их обитателям [King 2008: 34]. Кроме того, в записках мы можем проследить мотивы, общие для всех европейских путешественников на окраинах Мира. «Записи, которые о своих поездках оставили подобные исследователи, несут в себе

основу, написанную в тональности, звучащей сейчас даже несколько оскорбительно – непреложную уверенность в собственном превосходстве, в том, что “белый человек знает лучше”. Однако, невозможно, читая путевые записки, не разделять восхищения их авторов перед ярким разнообразием незнакомых им народов, животного и растительного мира, с которыми они встречались» [Рахман 2011: 109], – отмечает современный английский исследователь Джереми Паксман. Отечественному же историку, записки иностранцев дают богатый материал, который приобретает особый интерес при его сопоставлении с оценками отечественных авторов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Johnson 1818 – *Johnson J.* A Journey from India to England, through Persia, Georgia, Russia, Poland, and Prussia, in the year 1817. – London: Printed by A Strahan, 1818. – Vol.1. – 376 p.
- King 2008 – *King Ch.* The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. – Oxford: Oxford University press, 2008. – 291 p.
- Kinneir 1818 – *Kinneir J. M.* Journey through Asia Minor, Armenia and Koordistan in the year 1813 and 1814 with remarks on the marches of Alexander and retreat of the ten thousands. – London: John Murray publ., 1818. – 603 p.
- Paxman 2011 – *Paxman J.* Empire. What Ruling the World Did to the British. – London: Penguin Group Press, 2011 – 352 p.
- Porter 1822 – *Porter R.K.* Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia in the years 1817, 1818, 1819 and 1820. – London: Longman Publ., 1822. – Vol 1. – 720 p.
- Гордеев 1830 – *Гордеев Г. С.* Поездка из Польши за Кавказ // Тифлисские ведомости. – 1830. № 18. – С. 4.
- Духовский 1844 – *Духовский С.* Даховский отряд на южном склоне Кавказских гор в 1864 году. – СПб: Типогр. Департамента уделов, 1864. – 133 с.
- Портер 1823 – *Портер Р.* Путешествие//Сын отечества. – 1823. – Ч. 87. – С. 178-182, 219-223.
- Хопкирк 2004 – *Хопкирк П.* Большая игра против России. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. – 640 с.

REFERENCES

- JOHNSON J. A Journey from India to England, through Persia, Georgia, Russia, Poland, and Prussia, in the year 1817. – London: Printed by A Strahan, 1818. – Vol.1. – 376 p.
- KING CH. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. – Oxford: Oxford University press, 2008.– 291 p.
- KINNEIR J. M. Journey through Asia Minor, Armenia and Koordistan in the year 1813 and 1814 with remarks on the marches of Alexander and retreat of the ten thousands. – London: John Murray publ., 1818. – 603 p.
- PAXMAN J. Empire. What Ruling the World Did to the British. – London: Penguin Group Press, 2011 – 352 p.
- PORTER R.K. Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia in the years 1817, 1818, 1819 and 1820. – London: Longman Publ., 1822. – Vol 1. – 720 p.
- GORDEEV G. S. *Poezdka iz Pol'shi za Kavkaz* [A Travel from Poland to the Caucasus]. IN Tiflisskie vedomosti. – 1830, № 18. – P. 4. (In Russ.).
- DUKHOVSKII S. *Dakhovskii otryad na yuzhnom sklone Kavkazskikh gor v 1864 godu.* [Dachovsky military Group on the South Slope of the Caucasus Mountain Range in 1864] – SPb: Tipogr. Departamenta udelov, 1864. – 133 p. (In Russ.).
- PORTER R. *Puteshestvie* [A Voyage]. IN: *Syn otechestva.* – 1823. – Vol. 87. – P. 178-182, 219-223. (In Russ.).

KHOPKIRK P. Bol'shaya igra protiv Rossii [The Great Game against Russia].- Moskow.: RIPOI KLASSIK, 2004. – 640 p: (In Russ.).

Информация об авторе

Д.С. Ткаченко – доктор исторических наук.

Information about the author

D.S. Tkachenko – Doctor of Science (History).

Статья поступила в редакцию 31.05.2022 г.; одобрена после рецензирования 21.06.2022 г.; принята к публикации 28.06.2022 г.

The article was submitted 31.05.2022; approved after reviewing 21.06.2022; accepted for publication 28.06.2022.